

подход для понимания противоречий и возможностей театрального развития в Швеции? В рамках социо-культурной системы деятельность театра определяют два главных фактора: экономическая политика (способы финансирования культуры) и совокупность идей, нравственных и эстетических ценностей, питающая творчество. Первый фактор стимулирует увеличение количества прибыльных развлекательных проектов и фестивалей, инициирует разнообразие форм работы с публикой и превращает театр из храма

искусства в место для общения. Второй фактор противостоит первому и направляет творчество театра в русло человековедения, развивает театр как вид искусства. Культурная антропология позволяет положительно оценить качество этого развития и сделать вывод, что «кризис» шведского театра не глубок и, скорее, является этапом развития, а не деградации.

1 Такой термина не существует, здесь может быть применён термин «экзистенциальная трагедия».

НРАВСТВЕННОСТЬ И/ИЛИ РЕЛИГИЯ

Е.А. Степанова

Степанова
Елена Алексеевна

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Идущая сегодня в России дискуссия о соотношении нравственности и религии приобрела поистине тотальный характер. Об этом говорят руководители страны, спорят религиозные деятели, ученые-обществоведы и журналисты. В интервью журналу «Тайм» В. В. Путин высказался по этому поводу со свойственной ему категоричностью: «Нет, и не может быть, на мой взгляд, в сегодняшнем мире морали и нравственности в отрыве от религиозных ценностей» (20 декабря 2006 г., <http://kreml.org/interview/168576392>).

Вопрос о взаимосвязи морали и религии обсуждается уже не одну сотню лет и по-прежнему остается без ответа. Одни мыслители твердо убеждены в невозможности безрелигиозной морали, а другие не в меньшей степени уверены в первичности и самодостаточности моральных императивов. Существует также промежуточная точка зрения, согласно которой нельзя говорить ни о «морали вообще», ни о «религии вообще»,

поскольку они всегда обусловлены культурно-историческими обстоятельствами, и в каждом конкретном случае их взаимозависимость и взаимовлияние оказываются различными.

В нашей стране правомерность этой последней позиции подтверждается самым наглядным образом. Действительно, за последние двадцать лет все перевернулось с ног на голову (или наоборот): воинствующий атеизм сменился не менее агрессивной религиозностью, и рассуждение о религии как хранительнице моральных ценностей стало общим местом. При этом, несмотря на эту радикальную перемену, представление об исключительной духовности русской нации (которое, правда, в прежние времена обосновывалось совершенно иначе, чем сегодня) осталось неизменным. Обо всем этом самым серьезным тоном со стальными интонациями в голосе нам напомнил президент Д. А. Медведев, подчеркнув в послании Федеральному собранию, что духовное и нравственное богатство народа - «это то, от чего мы не откажемся ни при каких обстоятельствах» (5 ноября 2008 г., http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml).

Итак, имеется тезис: без религии нет морали, русский народ религиозен по своей природе и истории и, следовательно, нравственен и духовен. С другой стороны, в общественных

дискуссиях с не меньшей страстностью высказывается антитезис: нравственный уровень современного российского общества упал до немыслимых пределов, и нужно принимать срочные меры. В связи с этим предлагаются разнообразные средства: от создания всякого рода общественных советов по нравственности до введения в школьное образование курса «Духовно-нравственная культура» и формирования православных народных дружин для обеспечения общественного порядка.

Политическое руководство страны занимает констатирующе-охранительную позицию: так, из вышеприведенного высказывания В.В. Путина следует, что религиозные ценности как основа морали однозначно предписаны не только России, но и всему миру (правда, при этом он не уточнил, о каких именно ценностях идет речь, и как быть с религиозными фундаменталистами, которые без всяких предписаний подвергают анафеме всех тех, кто не разделяет их взгляды). В свою очередь, в послании Федеральному собранию президент Д.А. Медведев перечислил те ценности, которые являются предметом государственной защиты (и заодно главным аргументом военной операции против Грузии): это справедливость, свобода, благосостояние и достоинство человека, семейные традиции и патриотизм. Конечно, радует, что президент так хорошо думает о своем народе (в отличие от инициаторов общественных советов по нравственности). Однако пассаж в духе: «Кто покусится на наши ценности, тому не поздоровится», заставляет задуматься о том, что ситуация, в которой потребуются отдать все силы на их сохранение, все же возможна, по крайней мере, теоретически, не говоря уже о том, что за подобной решимостью неизбежно встает мрачная тень «врага», всеми силами стремящегося эти ценности уничтожить.

Русская православная церковь в целом следует тем же курсом с одним дополнением: в выступлениях церковных иерархов и в официальных документах Московской патриархии «враг» называется совершенно определенно: это западная светская либеральная философия, которая, в отличие от православия, выводит представление о ценностях и правах человека из относительного и конвенционального

источника, не имеющего абсолютного нравственного измерения. Таким образом, причина нравственной деградации населения России, с этой точки зрения, обнаруживается в том, что современная либеральная политико-правовая система, заимствованная Россией у Запада, противоречит христианской морали и разрушает традиционные ценности. Цель, сформулированная РПЦ, весьма амбициозна: Россия должна стать прообразом нового мирового порядка, противостоящего западной цивилизации, силой навязывающей людям противоречивые и подозрительные светские моральные стандарты. Фундамент такого порядка, по словам митрополита Кирилла, – культурный опыт, основанный на «внешне различном, но сущностно едином восприятии абсолютных нравственных ценностей».

Итак, мы можем констатировать очевидное противоречие: с одной стороны, Россия на официальном уровне трактуется как место консервации особого духовного опыта и православных нравственных устоев. С другой стороны, на разных уровнях общества ощущается серьезная тревога по поводу его морального состояния и высказывается требование что-то с этим делать. Не вдаваясь в обсуждение вопроса о соотношении религии и морали, попробуем проанализировать смысл современных дискуссий на эту тему и предлагаемых мер, которые должны привести к разрешению имеющегося противоречия.

Первое, что бросается в глаза, – это отсутствие в общественной дискуссии (за редким исключением) адекватного представления как о современном состоянии социальных предпочтений российского общества, так и об истории религии в России. Вместо этого дискуссионты питают себя и публику разнообразными мифами. Некоторые из них относятся к прошлому и представляют собой разнообразные перепевы «русской идеи», а также далекое от действительности изложение исторических событий и взаимоотношений церкви и государства. Другие мифы являются наследием советского времени. На первом месте тут стоит само понятие «духовности», происходящее из вульгарно-материалистического противопоставления бытия и сознания, материальной и духовной жизни

человека. В свое время это противопоставление было блестяще описано А. и Б. Стругацкими и вложено в уста профессора Выбегалло: «Исходя из материалистической идеи о том, что временное удовлетворение матпотребностей произошло, можно переходить к удовлетворению духпотребностей. То есть посмотреть кино, телевизор, послушать народную музыку или попеть самому, и даже почитать какую-нибудь книгу, скажем, «Крокодил» или там газету... Мы, товарищи, не забываем, что ко всему этому надо иметь способности, в то время как удовлетворение матпотребностей особенных способностей не требует, они всегда есть, ибо природа следует материализму» («Понедельник начинается в субботу», часть II, глава 4).

Фундаментом концепции «духовности» являются тома произведений русских классиков от Пушкина до Толстого, которые, как известно, представляют собой уникальное достояние русской культуры. С этим, конечно, трудно спорить – действительно, ничего похожего в мировой литературе нет, да и странно было бы, если бы было иначе, поскольку культурное наследие любого народа столь же уникально и неповторимо. Однако еще в советское время гордость за наше духовное наследие приобрело специфическую форму «культурного фундаментализма», который процветает и сегодня. Этот культурный фундаментализм основан на нескольких нехитрых тезисах, например, «умом Россию не понять», «что русскому хорошо, то немцу (американцу, французу, китайцу и т.д.) смерть», другими словами, на отсутствии критической самооценки и нежелании вступать в диалог с другими культурами. Такой фундаментализм, имеющий квазирелигиозный характер, рождается из жажды «подлинных ценностей» и спасения падшего человечества в ситуации ослабления влияния традиционной культуры, которое имеет место в современном мире.

Сегодня существует непроходимая пропасть между подлинным содержанием великих произведений русской литературы и искусства и их реальным влиянием на ценности людей. Об этом свидетельствует как традиционная ненависть к чтению классики, привитая школьными уроками литературы многим российским гражданам, так и многочисленные «мыльные»

римейки классических произведений, в изобилии присутствующие на телевизионном экране и демонстрирующие решимость использовать все, что подвернется под руку, в целях повышения рейтинга. В этом смысле российский гражданин напоминает фригийского царя Мидаса, умирающего от голода посреди изобилия пищи (разве что этот гражданин не умеет превращать все окружающие предметы в золото). Кроме того, заклинания на тему о «духовности» свидетельствуют о нежелании предпринимать какие-либо усилия по ее обретению: если духовность является национальным достоянием, она существует как факт, дается с молоком матери и не требует никаких усилий по ее усвоению. Такое понимание вполне укладывается в концепцию «естественного православия», согласно которой все, живущие на «канонической территории», автоматически оказываются православными верующими.

Наше время породило свои собственные мифы, например, ностальгическое представление о нравственности советского человека и общества в отличие от современного периода. Мы не будем здесь выяснять причины высокой оценки недавнего советского прошлого многими российскими гражданами, как пожилыми, так и молодыми. Важно отметить следующее: как показывают исследования «Левада-центра», на самом деле за последние 20 лет сколько-нибудь значительных изменений в ценностных установках населения не произошло. Во-первых, ценности – это наиболее консервативная, медленно формирующаяся часть социального устройства. Во-вторых, применительно к сегодняшнему дню следует говорить не о ценностном коллапсе, но все более углубляющемся разрыве между декларативными ценностями, относящимися к уровню коллективных представлений, но не проявляющимися в реальном поведении людей, и операциональными ценностями, т. е. принципами и правилами поведения, которыми люди руководствуются в своей повседневной жизни. Сегодня эти два уровня практически не соединяются: «Никакого универсализма не возникает, напротив, социальное пространство разбивается на множество иерархических «сегментов», где действуют собственные правила и оценки того, как следует себя вести, что

допустимо и т.п. Поэтому важен не сам набор «ценностей», а их композиция, конфигурация, функциональную роль, которую играют эти представления во взаимодействии с другими людьми». (Л. Гудков. Выступление на Вторых Ходорковских чтениях, 6 февраля 2008 г. <http://www.polit.ru/dossie/2008/03/26/values.html>). В-третьих, тот же разрыв между двумя уровнями ценностей присутствует в отношении к православию, к которому себя относят 70% российских граждан. Это отношение требует декларативной лояльности, но совершенно не подразумевает каких-либо практических действий, например, поведения, основанного на христианских этических принципах (см.: Фоторобот российского обывателя. Новая газета, 3 апреля 2008 г.).

В современных дискуссиях о проблемах связи религии и нравственности большое место отведено проблемам воспитания и образования. По этому поводу высказывается практически единодушное убеждение в необходимости приобщения людей к культурно-этическим основаниям российской цивилизации и нравственного воспитания, прежде всего, детей и молодежи. Разногласия возникают между теми, кто считает, что в школьном курсе «Духовно-нравственная культура» должно происходить изучение традиционных религиозных ценностей, и теми, кто полагает, что это противоречит светскому характеру российского государства. При этом православные лоббисты этого курса, парадоксальным образом забыв о необходимости борьбы с «тлетворным влиянием Запада», апеллируют именно к западному опыту преподавания религии в школе, не вдаваясь при этом в анализ культурно-исторического контекста той или иной страны, точнее, не интересуясь реальным положением дел, которое к тому же постоянно изменяется. Так, митрополит Климент, выступая 7 февраля 2007 г. на Образовательных чтениях Центрального федерального округа «Современные основы образования и духовно-нравственное здоровье общества», ссылаясь на опыт Соединенных Штатов, Англии, Греции, Бельгии и говорил о том, что во многих европейских странах преподают предметы религиозного содержания по конфессиональному принципу ([http://www.](http://www.patriarchia.ru/db/text/295822.html)

[patriarchia.ru/db/text/295822.html](http://www.patriarchia.ru/db/text/295822.html)).

Светских и конфессиональных участников споров о преподавании нравственности объединяет общая уверенность в самой возможности такого преподавания. Иначе говоря, они полагают, что нравственность формируется дискурсивным образом и зависит от качества и смысла произносимых слов. Эта уверенность вытекает из общей просвещенческой установки российского образования и веры в наличие у людей «духотребностей», то есть она опирается на традиционное представление о человеке как о биосоциальном существе, которое, во-первых, заимствовано из далекого прошлого, а во-вторых, является лишь одной из возможных точек зрения. Религия в таком понимании образования играет роль средства, санкционирующего и освящающего некое упорядоченное мировоззрение, частью которого является нормативное знание о нравственных категориях и принуждение к их исполнению. Однако преподавание «духовно-нравственной культуры», если оно вообще осуществимо, может быть успешным только в том случае, если соответствует реальности за стенами учебных заведений (как, впрочем, и внутри них). В противном случае получается та же история, что и с великой русской литературой: ее все признают, но мало кто читает. В ситуации разрыва ценностных уровней, о котором говорилось выше, это преподавание может привести только к еще большему его углублению.

Сторонники религиозного образования уверены в том, что оно принесет пользу, поскольку, по их мнению, религия не может научить ничему плохому. Такое мнение имеет право на существование, хотя история человечества знает большое количество совершенно противоположных примеров. Тем не менее, никто не будет спорить с тем, что каждый человек с раннего детства должен знать «золотое правило» нравственности («Итак, во всем как хотите, чтобы с Вами поступали люди, так поступайте и Вы с ними, ибо в этом закон и пророки. Мат. 7:2»), которое является фундаментальным принципом христианской этики. Однако, во-первых, это правило присутствует и в нехристианских культурах, являясь универсальной нравственной формулой всего человечества. Во-вторых, что

важнее, возможность его исполнения основана на доверии к Другому как к равному себе Божьему творению. Действительно, если мы должны поступать так, как мы хотим этого от других людей, мы по определению предполагаем в них способность к нравственному и ответственному действию. «Золотое правило» – это не закон одиночки на необитаемом острове. Оно подразумевает, что человек есть социальное существо, которое находится во взаимоотношениях с другими людьми. Оно постулирует автономную волю человека, которая равна всем другим автономным волям.

Однако именно с автономной волей и с доверием к Другому дело у нас обстоит хуже всего. Согласно исследованиям Левада-центра, сегодняшнее состояние социальных отношений в стране характеризуется необычайно высоким уровнем недоверия: «83% опрошенных россиян утверждают, что верить вообще-то никому нельзя. Это самая негативная оценка среди двадцати-тридцати стран, которые были включены в международное сравнение» (Гудков Л. Проблемы абортивной модернизации и мораль. <http://www.polit.ru/lectures/2008/11/21/gudkov.html>). Это недоверие проявляется прежде всего в цинизме, который свидетельствует не об отсутствии ценностей, но о сознательном отказе от признания ценности Другого и об отсутствии социальной солидарности. Как пишет Л. Гудков, «у нас... любым действующим социальным субъектам приписываются самые негативные мотивы, будь то люди во власти, олигархи, НПО или благотворительные организации, политические деятели или даже верующие, которым сегодня отказывают в искренности их неопитства (большинство считает, что нынешний религиозный подъем – явление модной природы)» (там же). В этих условиях школьное преподавание нравственности, религиозной или светской, неизбежно будет способствовать не улучшению морального состояния общества, а наоборот, укреплению цинизма, поскольку оно будет происходить в ситуации неверия в искренность учителя.

Однако самой трагической чертой современных дискуссий о соотношении религии и нравственности является убеждение в том, что моральный уровень россиян можно поднять

указами сверху, приняв, например, решение о преподавании соответствующего курса в школе, о запрещении «безнравственных» телевизионных программ или пробормотав мантры об особой духовности русского народа. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в нашем обществе совершенно отсутствует понимание морали как способности ответственного и свободного человека делать выбор, оценивать свои действия, критически относиться к жизни во всех ее проявлениях и иметь чувство собственного достоинства. Моральное сознание как выражение автономной воли возникает только в самом индивиде, оно ни в коем случае не может быть привнесено сверху, поскольку в этом случае речь идет не о морали, а о внешнем принуждении к соблюдению конвенциональных общественных норм. Моральный индивид не ДОЛЖЕН быть верующим или неверующим, но он МОЖЕТ быть тем или другим в соответствии со своим свободным выбором. Отнесение нравственности к компетенции религии не только не способствует возникновению нравственной личности, но, наоборот, препятствует этому, поскольку большинство людей воспринимает православие как культурный символ страны, который не подразумевает никакого личного участия человека, разве что кроме периодического посещения церкви. Более того, люди, придерживающиеся «демонстрационных» нравственных ценностей (о которых они узнали в процессе религиозного воспитания), но совершенно не способные и не собирающиеся придерживаться их на «операциональном» уровне, весьма выгодны нынешнему российскому государству, поскольку таких людей легко можно убедить в чем угодно, особенно если апеллировать к высшим нравственным категориям для оправдания своих действий.

Именно это мы сейчас и наблюдаем – государство весьма успешно использует религию как признак своей приверженности к «традиционным» ценностям, «традиционные» религии с жаром отстаивают свои эксклюзивные права на нравственные устои, а реальная жизнь идет своим чередом. Большинство людей, конечно, имеет представление о том, что такое хорошо и что такое плохо, однако максимум, на что они готовы – это уважать своих родственников и

близких друзей и как-то отвечать перед ними за свои поступки. Люди за пределами этого круга, как и государство в целом, относятся к категории «чужих», по отношению к которым человек не имеет никаких моральных обязательств. Все остальное человечество относится к категории «врагов», которые, согласно официальной позиции властей, готовы на все, чтобы порушить традиционные российские ценности, и, следовательно, с ними можно вести себя как угодно. В этой ситуации описанное выше противоречие, о котором сегодня говорят многие, – между традиционной нравственностью русского человека и современным падением нравов, – является иллюзорным. Русский человек раньше был не более и не менее нравственным, чем теперь. Но и раньше, и теперь социальная-политическая

реальность нуждалась не в нравственно вменяемой личности, а во внутренне несвободном человеке, верящем в моральные предписания, идущие сверху, и основанные (в зависимости от политической конъюнктуры) на религиозном или атеистическом фундаменте.

Выход из этого положения один: до тех пор, пока высшей ценностью общества не станет свободно мыслящий и свободно выбирающий свою нравственную позицию человек (неважно, религиозную или нерелигиозную), ни о каком повышении морального уровня общества говорить не приходится. Можно сформулировать эту мысль и по-другому: до тех пор, пока свободно мыслящий и ответственно поступающий человек не сделает себя высшей ценностью общества, о морали следует забыть.

THE RUSSIAN SOUL: ETERNAL FEMININITY AND ETERNAL «BABJE»

T. Muravitsky (USA)
B. Emelyanov (Russia)

**Русская душа:
вечная женственность и вечно бабье**

The history of the use of gender descriptions for determination of mental and national peculiarities of a nation lasts for hundreds of years. The enigma of Femininity and Masculinity was always interesting to philosophers, scientists, and writers. They were interested because as N. Berdjaev asserted, «categories of sexes - masculine and feminine - are not only anthropological... but also cosmical.»

However, one needs to note that the interest in this topic is not symmetrical: most of the gender research and statements of the philosophers is devoted to a woman. The interests, philosophical and ideological attitudes of the authors of these statements are different, but all of them try to solve the mystery of masculinity-femininity by juxtaposition the concepts of man and woman.

Since antiquity Masculinity and Femininity correlate to each other as material and spiritual

(ideal) essences, like a body and a soul. However, there is an opinion of some Russian philosophers that Femininity is not worse, but different and has the same value as Masculinity.

The concepts of Masculinity and Femininity are one of the most important in Russian Philosophy. It exists in many areas of the humanities. And the most interesting application of this concept is in description of Russian national character and Russian mentality.

Many works and statements on this issue belong to Nicolas Berdjaev. He affirms that in European countries, particularly in Great Britain, France and Germany, «at some stage of development the national masculine spirit arose, forming a national structure.» But it did not happen in Russia. Instead Femininity prevailed there. Why? «There was no knighthood in Russian history. Consequently, Russia as a nation, did not develop a sense of discipline and culture of personal honor.» According to Berdjaev, this is a lack of Russian culture: «... all of masculinity, giving a form and freedom in Russia, was not Russian, but imported from West-European culture, French or German, or from Ancient Greek culture.»